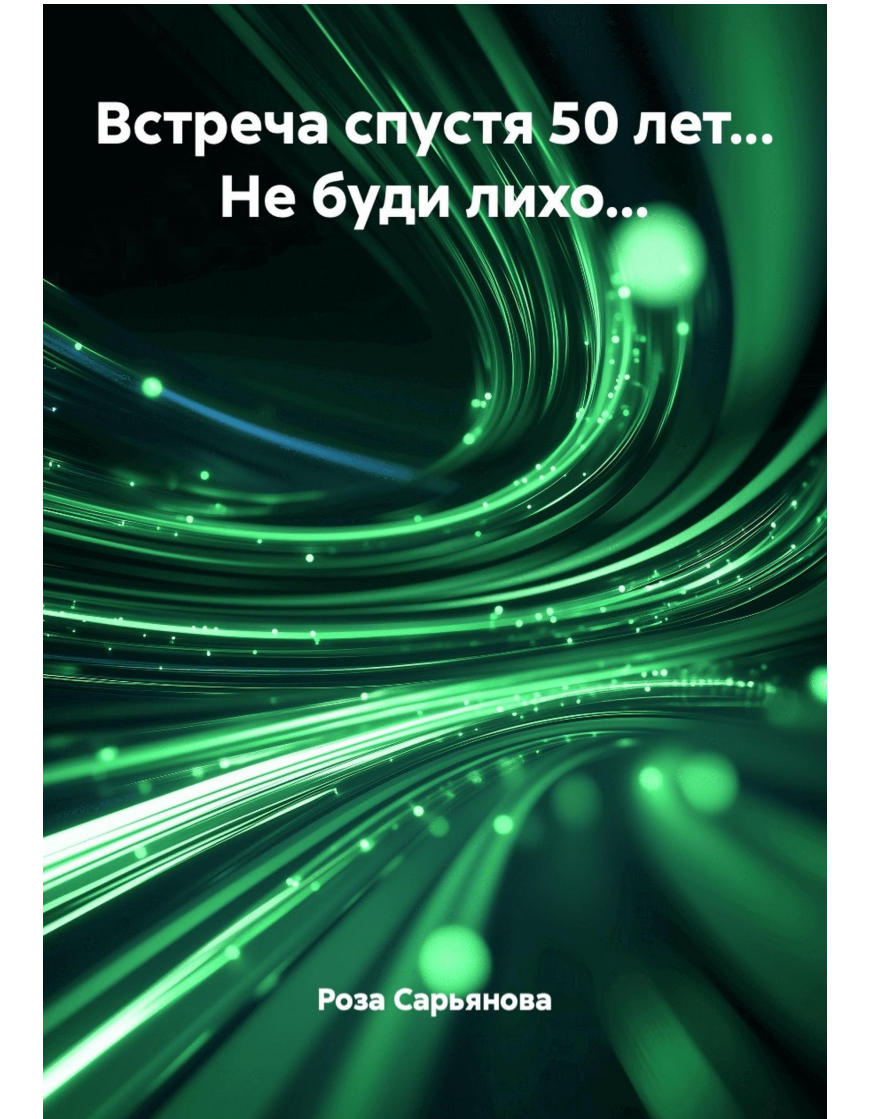

The background of the entire page is an abstract composition of vibrant green light trails. These trails are composed of numerous thin, curved lines that sweep across the frame, creating a sense of dynamic movement and depth. Interspersed among these lines are small, bright green dots and larger, soft, out-of-focus circular bokeh lights. The overall color palette is a range of greens, from deep, dark forest greens to bright, almost white-green highlights, set against a dark, indistinct background.

Встреча спустя 50 лет... Не буди лихо...

Роза Сарьянова

Роза Сарьянова
Встреча спустя 50
лет... Не буди лихо...

<https://litres.ru/74259404>

SelfPub; 2026

Аннотация

Спустя полвека Римма решается на встречу однокурсников и мгновенно проваливается в прошлое, где за внешней дружбой скрывалось предательство, а ночной визит в гостиницу едва не стоил ей жизни. Но настоящий удар ждёт за праздничным столом: та, чьё имя она старалась забыть, появляется с победным видом и фальшивым сиянием наград. За этим фасадом: судимость, избиение подростка и грязные сделки, о которых молчат соцсети. Римма решает не молчать, и тогда начинается война, где ставки выше, чем просто правда.

Содержание

Глава 1	4
Г	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Роза Сарьянова

Встреча спустя 50 лет... Не буди лихо...

Глава 1

Все началось с неожиданного телефонного звонка Киры, одноклассницы. Знать бы, чем всё закончиться, лучше трубку не поднимать или ни на что не соглашаться.

«Здравствуй, Римма. 50 лет, как окончили университет, помнишь об этом? Девчата хотят встретиться. Мы каждые 10 лет встречи организовывали, тебя только не было: ни слуху ни духу от тебя. Как будто прячешься от нас. Еле нашла твой контакт. Нынче хоть приедешь? »

Учились мы с ней в вузе в одной группе. 40 лет ничего не знала о судьбе девчат из группы филологического факультета педагогического университета. Все они отработывали в родной республике в основном в деревнях, там же нашли своих суженых и проработали до пенсии.

А я через год после окончания учебы отработала тоже в деревне завучем, познакомилась там же будущим мужем, и мы уехали в далекую Сибирь. Потом решили уехать ближе к детям, а они обосновались в Москве, и волею случая

переехали тоже в столицу. Времени стало больше, последние 3 года стала общаться на Вацапе с некоторыми одногруппниками. Ненавязчиво, без личного общения по телефону. Только картинки и смайлики. Ничего не знала о своих товарищах, так как сорок лет мы с мужем прожили далеко от малой родины Башкирии за 3500 километров в городе нефтяников, изредка заезжая по пути на море к его и моим родителям, пока они были живы. Последние 15 лет вообще не приезжали, некому было ездить. Друзьями обзавелись в том городе, и уезжать оттуда для нас было грустно. И возвращаться в Башкирию не собирались, наоборот переехали в Москву, где уже проживали дочь и сын. Мы «вылезли» в белый свет, как будто медведь из берлоги, и про нас вспомнили знакомые, родственники и бывшие друзья. Социальные сети – удобная вещь! Буквально через месяц меня в «Контакте» нашла самая общительная, неугомонная Анна. Сообщила телефоны девушек, какие знала, и начали общаться. Когда стали общаться, то узнала, что пусть редко, один раз в десять лет группа наша организовывала вечер встречи, как и остальные две группы нашего курса. Собирались 10-15 человек. Некоторые девочки даже семьями дружили, заезжая друг к другу в гости. Оказалось, не было сведений только о 4 студентах, в том числе обо мне тоже. Группа наша была разновозрастная, дружили между собой, образуя пары.

Не скажу, что с Кирой мы были близкими подругами. Просто мы с ней одного возраста, самые молодые в группе, в

17 лет, поступили в университет сразу после окончания десятилетки. В нашей большой группе из 29 студентов нас семнадцатилетних всего четыре девочки. Да, девочки, так как учились мы на филологическом факультете, будущие учителя русского языка и литературы; всего двое парней, тоже молодняк, сразу после школы, ну к ним относились как к несмышленным младшим братьям. Основная часть девушек в группе взрослые, переростки. Три студентки старше нас на 7-8 лет: окончили педучилище, как положено отработали в деревнях (Обязательно в деревнях!) После окончания педвузов, училищ обязательная отработка в сельской местности, так как нехватка учителей – там большая проблема. Надеются чиновники министерства образования: отработают 3-4 года, учителям уже по 25-26 лет; выйдут в тираж, старые девы, захотят выйти замуж, так и останутся в той деревне, нарожают детей от местного казановы – в лучшем случае, если повезет, от молодого специалиста: зоотехника, агронома, инженера-механика – а нет, то, от тракториста, скотника, шофера – обростут хозяйством, ведь кушать – то хочется! В магазинах не то что колбасы, сыра, молока, фруктов, даже хлеба не купишь.

Знаю, сама год целый проработала в такой деревне – до райцентра 45 километров, автобус 2 раза в день; а если непогода, то вообще не приезжает. Спасибо, меня выручала повар, молодая выпускница школы, куда я приехала и сразу начала работать заместителем директора по учебной и воспи-

тательной работе. Она меня после кормления трактористов, водителей, администрации колхоза – тайком кормила наваристой домашней шурпой, заворачивала в бумагу кусок мяса и полбуханки хлеба, домашнего, пахучего, настоящего не на дрожжах, а на хмелю. Так меня спасала от голода. Каждую неделю на выходной старалась уехать за продуктами то к родителям за 120 километров, то в Уфу за 140 километров. А деревня стояла на отшибе от тракта в семи километрах, вот это расстояние преодолевала пешком, если повезет, то на тракторе, то на санях, иногда на попутной машине.

У всех молодых учителей, попавших по распределению в деревни, судьба одинаковая, как под копирку. И выходили замуж уже немолодые по деревенским меркам молодые учителя замуж, некоторые даже за своих одноклассников, так как по распределению уезжали в свой район. Некоторые из нас в принципе так и видели свое будущее. Были счастливы рядом с любимым мужем, рожали детей, многие жили в доме мужа под суровым присмотром свекрови и свекра. Приходилось заводить скотину, пропадая с утра до уроков в хлеву, потом бежать на работу, «сеять вечное, прекрасное» в память учеников, которые тоже, убравшись дома и в хлеву, бежали в школу, к единственному очагу культуры. Не хочу никого оскорблять, так живут в нашей стране во многих селах и деревнях. Это наша Россия, наша родина, в этом смысл жизни для многих.

Остальная большая часть одноклассниц тоже старше ме-

ня на 3-6 лет, поступали неоднократно в этот же вуз, не пройдя конкурса, опять возвращались в свои родные деревни и работали там водителями, некоторые даже преподавали историю, русский язык и литературу, немецкий, английский язык в 5-7 классах. На следующий год опять поступали – можно позавидовать и порадоваться их упорству!

Вот в этом году 50 лет, как окончили вуз, многие уже на пенсии, договорились встретиться летом. Встречи организовывала, оказывается, Кира, не всегда получалось удачно, но в этом году все равно хотят встретиться. Годков уже много, за седьмой десяток, некоторых нет уже в живых, может, последний раз собираемся. «Сначала с тобой хочу определить дату встречи, Римма, – начала Кира. – Мы все остальные живем в Башкирии, хотя и в разных районах. Некоторым придется приехать накануне, так как долго добираться на автобусах. Но дальше всех живешь ты в Москве, когда сможешь приехать, уточним и остальным назовем эту дату. Если останешься негде, приедешь ко мне. Дети нам купили в Уфе квартиру, есть, где жить. С весны до осени мы живем в деревне, приезжаем только на зиму ближе к детям».

О встрече со всеми никогда не задумывалась, близкими подругами Лидией и Флорой мы три года назад уже встречались, от них узнала о судьбе остальных, про кого они могли рассказать. У всех обычная жизнь, действительно, как под копирку. Единственное, что меня удивило, что учителями русского языка и литературы проработали единицы:

кто-то библиотекарем, кто-то методистом в районном Доме культуры, Доме детского творчества. А парни вообще удивили, одного уже нет живых, такая глупая смерть. Про другого думала, что, наверное, директор школы, стал важным. Ведь все мужчины-учителя становятся директорами: не отягощены домашними делами, в декрет не нужно уходить, подгузники не нужно менять. Оказалось, проработал учителем, секретарем сельсовета. Главное, нашел свою нишу: переводит стихи знакомых поэтов из башкирского языка на русский. Кстати, неплохо рифмует. Почему сам не пробует писать, непонятно. Удивился, узнав, что я уже издала четыре свои книги: повести и рассказы.

Узнала о незавидной печальной судьбе нашей умницы, отличницы, ленинской стипендиатки Зины. Я думала, что она окончила аспирантуру, защитила кандидатскую, может быть, даже докторскую. Кто, как ни она, ведь на факультете была самая успешная. Я вот была не отличница в годы учебы, но окончила заочно аспирантуру, защитила кандидатскую, половину педстажа проработала на руководящих должностях. Оказалось, Зина даже не поступала в аспирантуру; уехала в свой район, вышла замуж за одноклассника, который работал трактористом, поддерживала его в застольях, начала часто выпивать, уже не работала. Муж ее, пьяную, запер дома, сам дальше ушел гулять, несколько дней не возвращался, она проснулась, никого нет рядом, чтобы подать стакан воды, вызвать скорую. Умерла в 53 года от сер-

дечной недостаточности после глубокого похмелья.

Что интересного будет на этой встрече? Зачем мне ехать, кто меня ждет? Была и самая главная причина, почему не хотела общаться все эти годы. Не хотела ничего узнавать, не слышать, не видеть про одну из девушек, которая была причиной самых страшных дней учебы в университете. И чуть не довела меня на втором курсе до самоубийства. Ну, тут решила, почему бы нет, послушаю рассказы о жизни и судьбе девчат, может, будет материал для будущих произведений. А может быть, не позовут эту Розалию, ведь она не окончила учебу вместе с нами, не смогла сдать госэкзамен. Постесняется приехать.

Кира назвала удобный для нее день, когда сможет приехать из деревни в Уфу. К сожалению, в этот день я не смогу вылететь, у меня экзамен по «Культурологии» у студентов вуза, где работаю. Обозначила Кира, что всю организацию берет на себя. От предложения перевести деньги для оплаты ресторана или кафе отказалась сразу, как отрезала: «Вот еще, деньги пенсионеров тратить! У меня двухкомнатная квартира. Приготовлю суп, пироги испеку, а остальное, что привезти, договоритесь между собой».

После общения с Кирой ночь спала плохо. Опять мне снились кошмары.

«Пыльная деревенская улица, солнце палит нещадно: около дороги выстроились соседи, а посередине улицы бежит молодая женщина, спотыкается, падает на пыльную землю,

кричит, плачет, молит о помощи. Сзади возвышается на лошади красавец мужчина и кнутом бьет молодую женщину и кричит: «Кто он, признавайся! Я убью его, не позволю позорить меня!».

Платье разорвано под ударами плети, все тело в ссадинах, кровоподтеках. Это меня ведут по главной улице деревни! Я уже ничего не соображаю, перестала уже кричать, стараюсь увернуться от безжалостного кнута, которым опоясывая мое тело, со знанием дела угощал мужчина. Я не вижу его лица, но сознание подсказывает, это мой муж! Ужас, вчера была красивая свадьба, что случилось! Почему никто не останавливает его? Боятся подойти? Он, действительно страшен в эту минуту: черные, как смоль, волосы взъерошены, глаза налились кровью, выражение лица хищное – страшно подойти!»

Проснулась в поту, во рту пересохло, тело болит, как будто, действительно, били кнутом. Никуда я не хочу ехать, ни с кем не хочу встретиться, особенно не хочу встретиться с человеком, источником моих ночных кошмаров.

Кира оказалась очень инициативной, слов «не хочу» не воспринимала. Создала чат, чтобы мы общались. Тут всех прорвало! Стали бурно общаться, рассказывали про себя, про дачи-огороды, про детей, внуков. Выставляли фото из семейного альбома. Первые дни было ошеломляюще! Слишком активное общение, слишком много новостей, понимаю, что никто уже не работает, все свободны. У половины деву-

шек даже нет мужей: умерли или развелись давно. Однажды после лекционной пары увидела 67 непрочитанных сообщений! 38 сообщений было от Розалии! Боже, какая дрянь, столько неискренности: «дорогие, любимые, красавицы и т. д.». А сколько самолюбования, столько хвастовства!

Поняла, что не смогу все это читать, даже если и не отвечать. Позвонила Кире: что делать? «А я их не читаю, сразу очищаю, – ответила она. – Если хочешь, выйди из чата, добавлю потом перед встречей».

Неужели эта ненавистная Розалия собирается на встречу. Прошное накатила неприятными воспоминаниями. Даже прилетев в Уфу, еще не решила, пойду ли на встречу. Вообще-то у меня были дела поважней. Поехала к себе в село: нужно ухаживать за могилами родителей, отремонтировать памятники – прошло уже 30 лет – самое главное, установить памятник на могиле брата, прошло более трех лет после его смерти от ковида.

Встретилась одноклассниками, самая близкая подруга Лиля, которая приехала специально встретиться со мной, уговорила поехать на встречу. Кто знает, увидимся ли ещё?

Всего десять человек смогли приехать: обнимались, целовались, узнавали заново друг друга, изменились, встретишь на улице, многих бы не узнала. Вот уже сели за стол, радость, радость, не приехала Розалия! Я уже успокоилась, слушала девчат и единственного одноклассника, смеялась над шутками. Через час-полтора звонок в дверь. Заходит Розалия, не

одна, в сопровождении, как оказалось, мужа, по виду намного моложе её. За столом все переглянулись неодобрительно, заранее ведь договорились, что только мы, без второй половины, приедем. Пятеро из нас уже похоронили мужей после тяжелых болезней. Одна из причин, почему долго колебалась, ведь в том, что четыре месяца назад тоже похоронила мужа, с которым прожили 49 лет. 65 дней выхаживали его врачи в реанимации. Ушел, не придя в себя после обширного инсульта. Для веселья у меня не было особых причин.

А тут, нате вам, вот я, Розалия, а вот мой муж, прошу любить и жаловать. Недоуменно и гневно на новую гостью посмотрела хозяйка дома Кира, не стала приглашать за стол. Видать, поняла эта бессовестная, стала прощаться с мужем: боже, столько игры, столько позёрства, так мерзостно, они стали в прихожей целоваться при всех, напоказ нам. Ну, подростки, да и только, а ей ведь уже 73 года!

Никто ничего не сказал, стали общаться дальше.

Сделала неутешительный вывод после рассказов: наше министерство образования особо не жалуется труд сельских учителей, не ценит. Трудились – никаких наград. Флора, профорг группы, единственно она удостоена награды, не федерального, правда, уровня, заслуженная учительница Башкирии. В принципе не все ведь и работали учителями. Когда дошла очередь до меня, не стала перечислять свои награды, а то получится, что «свадебный генерал». «Моя фамилия по мужу другая, – назвала я. – Хотите узнать, прочитайте в ин-

тернете. А сейчас предлагаю тост за нас: за столом собрались самые счастливые, потому что мы здесь, мы живы. Желаю долгих лет жизни». Подарила свою последнюю книгу символичным названием: «Не стоит школа на Луне».

Розалия свое гнилое нутро показала уже во время рассказа единственного мужчины. Когда Булат начал читать стихи, произнесла: «Казался только тихоней, сидел за последней партой, а сам раздевал нас взглядом». Какая мерзость, неужели всегда в голове только секс и разврат! Лидия, старше нас на четыре года, хмыкнула и тихо проговорила: «А «раздевалка» у него хоть работала?» Булат тоже подернулся, стало ему неприятно, явно девственник был семнадцатилетний пацан, не было у него тогда опыта в любовных делах. Вот почему Розалия была такая искушенная и развратная, знала только я и за все годы учебы словом не обмолвилась, не выдала ее тайн, хотя она по отношению ко мне подлость совершила.

Самой последней слово взяла Розалия. А когда начала рассказывать: диплом получила на следующий год, привезла в деканат кучу почетных грамот! Работала в школе немного, потом директором в социальном центре для детей из неблагополучных семей, Почетный работник РФ, Заслуженный учитель Башкирии и счастлива, счастлива в браке, любимая учительница, ... жена, мать, бабушка – все это с усмешкой, со злобой, уничтожая взглядом остальных. Вы считали меня тупицей, гулящей, вот вам! Я самая успешная среди вас!

С первых же ее предложений увидела я, как опустили глаза многие за столом, потемнели лица от откровенного бахвальства, издевки! Обидно стало за девчат. Зачем она так, за что мстит, ведь относились к ней ровно, сочувствовали, что не смогла получить диплом.

Только я не отвела глаза, смотрела в упор!

Она бахваляется, а у меня вихрем проносятся воспоминания того далекого майского вечера 52 года назад, вечера, когда моя жизнь могла или оборваться, или я бы осталась инвалидом неподвижным на всю жизнь.

На втором курсе это случилось... В комнате общежития мы жили вчетвером, три сверстницы, а еще одна нас старше лет на пять. Она держалась особняком, с нами особо не общалась. Знали только о ней, что сирота, после смерти матери отец привел мачеху, ее сдали в интернат. После работала, копила деньги на учебу, поступила, домой не ездила. Подрабатывала, приходила только ночевать. Вторая девушка, имевшая в городе многочисленных родственников, часто даже не ночевала. Вот мы с Розалией и коротали свободные вечера вместе. Она тогда уже меня удивляла тем, что была озабочена подробностями секса, интимных отношений. 2 раза в месяц куда-то уходила, возвращалась какая-то уставшая. Однажды, когда вернулась утром в воскресенье и стала переодеваться – я ахнула! От шеи донизу она была в засосах! Темно-лиловые следы по всему телу! Вот тут стала уже догадываться, откуда у нее импортные обновы, обувь. Часто, возвраща-

ясь, она плакала, уткнувшись в подушку.

И однажды ее прорвало: после школы не смогла поступить, мать по блату устроила секретарем главврача санатория всесоюзного значения. А он, стареющий ловелас, старше ее на 25 лет предложил свое покровительство: делить постель за возможность поступления в вуз. Легла, он за нее 2 года вытягивал все семестры, экзамены, кто откажется от бесплатной путевки. Не думаю, что все преподаватели были продажные, но был-был покровитель на факультете. Что с ней случилось в этот день, не знаю, рассказала и историю своего рождения, обвиняя и мать во всех смертных грехах: нагуляла дочь от другого мужчины, с братом они сводные. Тот мужчина отказался от любовницы, вернулся в семью. А мать записала новорожденную на имя мужа. Все раскрылось, не выдержал мужчина чудовищного обмана, ушел в лес и повесился, не выдержал позора. «Это она, мать, подтолкнула меня на сожительство. Я жить не хочу», – рыдая, обвиняла маму.

Что это было? А, скорее всего, пора пришла, она влюбилась. А парень с ней, такой порченной, разве будет встречаться? В семидесятые годы бывшего столетия вопросы морали были очень строги!

Вспоминала картины из своего детства. Помню, мне было лет шесть, когда услышала ранним утром плач, звуки кнута, ругань, ропот толпы, ржание лошади. Выбежала на улицу: около дороги выстроились соседи, а посередине улицы бежа-

ла молодая женщина, вчерашняя невеста Мила, первая деревенская красавица, спотыкалась, падала на пыльную землю, кричала, плакала, молила о помощи. Сзади возвышался на лошади дядя Камиль, тоже первый красавец деревни, бригадир второго отделения колхоза, и кнутом бил свою молодую жену и кричал: «Кто он, признавайся! Я убью его, не позволю позорить меня!». Мила перестала уже кричать, старалась увернуться от безжалостного кнута, которым опоясывая её тело, со знанием дела угощал ее муж. Ужас, вчера была красивая свадьба, что случилось! Почему никто не останавливает Камилу. Боятся подойти? Он, действительно был страшен в эту минуту: черные, как смоль, волосы взъерошены, глаза налились кровью, выражение лица хищное – страшно подойти!

Женщины робко пытались устыдить молодого истязателя, уговаривали мужей заступиться за несчастную. Мужчины отмахивались от жен, одобрительно гудели и поддерживали изверга, истязającego молодку. «Так ей и надо, гулящая оказалась, девственницей не была, а честно признаваться не хотела, обманула будущего мужа», – слышались их возгласы, а еще плевали ей вслед богобоязненные старухи.

Прогоняя молодую женщину по всей улице километров два, новоиспеченный муж довел жертву до ее родительского дома и стал звать отца девушки, требуя ответа и отмщения. Бледный, как полотно савана, отец опозоренной девушки встал на колени, просил прощения и обещал заплатить

выкуп. Камиль допытывался имени обольстителя, чтобы наказать его.

Пришла с работы мама, отругала нас, дочерей, и увела домой. На вопросы не отвечала, повторяя, что малы ещё.

Вечером, когда отец приехал из командировки из районного центра, где находится головное управление заводов, мама рассказала об этой страшной истории, думая, что мы уже спим. Наверное, не всё поняла, но услышала, что невеста была «порченная», на что только надеялась, выходя замуж за самого перспективного жениха, очень строптивного, горячего, почему решила обмануть всех? «Кто же обольститель, назвала?» – тихо спросил отец. Он, кажется, не одобрял такого зверства, ну, можно же было по - тихому решить, зачем позорить на всю деревню? «Сосунок еще этот малец, пороха не нюхал», – подвел итог отец, который с семнадцати лет воевал, еле остался в живых. Он на все смотрел объективно, сглаживая углы при разборках.

Вот этот наглядный пример врезался в памяти с детских лет.

Отец Милы по-своему «проучил» и дочь, опозорившую его седину, и жену, не сумевшую воспитать скромную дочь, и маленьких дочерей, чтобы неповадно было. Выяснилось и имя соблазнителя: троюродный брат, балагур, шахтер, приехавший из Донбасса в отпуск. Отец Милы предупредил и дальних родственников, что не оставит в живых этого «зимагура», пусть даже не приезжает. Зимагуром у нас называ-

ют парней, уехавших в город, наплевавших на каноны и правила религии и этики. Мила залечивая раны, прожила в бане и однажды исчезла, сбежала из дома. Наверное, мама сердобольная помогла немного деньгами. Больше ни ее, ни ее кузена никто не видел в деревне. В шестидесятые годы 20 века в мусульманской деревне, на утро после первой брачной ночи, конечно, не вывешивали окровавленную простыню на всеобщее обозрение, но беспутства не терпели. Долго ещё матери взрослеющих девочек, пересказывая эту историю, воспитывали своих детей. Какое-то Средневековье, думаем мы с высоты 21 века, неужели нельзя простить, неужели так жестоко нужно было поступить, неужели нельзя было по-тихому развестись? Сами мужчины тоже ведь не без греха. В деревнях нехватка мужчин: многие остались на поле боя, много вдов, перестарок-девушек. На каждого мужчину приходится по три женщины. Да и для мужчины позор, что так смог обмануться, ведь Камиль не смог жениться после неудачной женитьбы лет пять, никто из деревенских не хотел выдать за него свою дочь. Жenu он взял по сватовству из далекого села: тихую, бессловесную, глаза не поднимала, ни на кого не смотрела. Ну, не все такие, как этот гордец.

Кажется, ошиблась в своих суждениях, подумала я, уже подросток четырнадцати лет, став свидетелем плачевной сцены. Отпустили нас из школы домой раньше, остановилась в сенях, услышав плач женщины в нашей кухне. По голосу узнала техничку школы, где мама работала. Женщина эта

спокойная, никогда голоса не повысит даже на нашкодившего мальчика, стыдит, сама по голове его гладит. Часто слышала, что после уроков, когда мыла полы, она тихонько красивым мелодичным голосом напевала, думая, что никто не слышит. Меня всегда удивляло, что даже в жаркую погоду она носит темное, наглухо застегнутое платье с длинными рукавами. То, что пришла к маме поделиться своим горем, меня не удивляло, мама наша мудрая, пережившая военные тяготы, завербованная военкоматом в 1942 году после семилетней школы, проработавшая с шестнадцати лет до конца войны токарем в военном заводе, притягивала женщин, нуждающихся в помощи.

– Я думала, что у вас дружная семья, муж тебя любит, – проговорила мама, утешая Нину. – Ты же приходила ко мне перед свадьбой, делилась, что не девушка уже, не выдержала натиска парня, отпущенного после госпиталя в отпуск к родителям. Знаю и горе твое и родителей парня, погибшего через полгода после побывки. Посоветовала тебе во всем признаться будущему мужу: любит, женится, не признается никому, не простит, значит расстанетесь. А он вот сколько лет молчит, никто не знает об этой ситуации. Уже двое мальчиков растут, в них души не чает. Не простил, получается? Я никому не рассказывала, поверь.

– Никто, даже мои родители не знают, это так. На людях мы уважающие друг друга супруги. А ночи наши – это ад крошечный. Никакой ласки, можно сказать, насилует меня.

А потом начинает истязать, на моем теле нет живого места, цепкими пальцами перекручивает мои сиски, живот, бедра, – оголилась женщина перед матерью.

Я тоже в щелочку посмотрела и увидела ужасную картину: все тело фиолетового цвета, в кровоподтеках.

– Какой изверг! – воскликнула мама возмущенно. – А с виду кажется таким порядочным. Зачем же женился, если не смог простить.

– Больше сил нет терпеть, что мне делать? Хотела уйти, уехать к тете в город, а он припугнул, что сыновей мне даст. И их ожидает жизнь с мачехой. А им расскажет правду о матери, что она падшая женщина.

Долго успокаивала мама несчастную, предложила женщине припугнуть мужа: снять побои рассказать всю правду. Нина категорически отказалась, панически боялась позора. Тогда мама предложила вариант, что с этим мужчиной поговорить наш отец: участник войны, тяжело раненный, выписавшись из госпиталя, вернулся к родителям не на своих ногах, на носилке в сопровождении санитаров. Построил свою судьбу сам, встал на ноги, выучился и стал директором филиала масло-молочного завода. Тем более он не одобряет поведение мужчин, не воевавших, не служивших даже в армии. А муж Нины тоже работает под его началом, должен прислушаться. Побои закончились, но обиженная женщина не простила мужа, дождалась, пока сыновья вырастут, пойдут служить в армию, и ушла к матери, проводила ее в последний

путь. Теперь уже бывший муж просил одуматься, вернуться в семью ради любви, ради прожитых лет. А любовь ведь нехорошая, фиолетового цвета с кровоподтеками!

Это сейчас в школах преподают предметы, которые должны готовить к семейной жизни. А в дни нашего детства и молодости примеры были суровые, реальные. И мы выросли, зная, что первая брачная ночь только после заключения брака.

А что я могла Розалии советовать, тогда, глупая, неопытная девочка. Посочувствовала, обняв ее. Заварила чай, напоила и, уложив спать, ушла из комнаты.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.